

Надежда Никитина

Ключевой возраст

Надежда Никитина

Ключевой возраст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24431916

ISBN 9785448532566

Аннотация

Живет в стареньком доме одинокая больная пенсионерка Нина Ивановна. Помогает за детьми приглядеть, опекает мать-одиночку снизу. Никто и не догадывается, что по ночам она придумывает на бумаге необычные миры. Но однажды обстоятельства складываются так, что ее фантазии превращаются в реальность. Та, другая реальность затягивает к себе не только пожилую женщину. Бесполезно закрываться от ошибок молодости, иначе они повторятся в самых дорогих для тебя людях...

Содержание

Часть 1. Школьный портал	5
Глава 1. Диагностика	5
Глава 2. Появление Стража	14
Глава 3. Странный гость	17
Глава 4. Подруга	24
Глава 5. Семейная драма	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ключевой возраст

Надежда Никитина

© Надежда Никитина, 2017

ISBN 978-5-4485-3256-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Школьный портал

Глава 1. Диагностика

– Вы всё время молчите. Что-то не так?

– Почему вы обратились именно ко мне?

Модная блондиночка с красивым именем Снежанна Сергеевна вскинула подкрашенные ресницы. В глазах небесного цвета – недоумение. На красивой фигурке – модное короткое платье. Ей бы где-нибудь в офисе дефилировать. Что она делает в школе? Учительница с обидой отрезала:

– Ну, не в полицию же мне обращаться! А священника я уже приглашала.

– Помог?

– Облил весь класс святой водой. И потом, я не уверена, что в кабинете поселилось именно зло. Но что-то необъяснимое есть, это точно.

Интересно, сколько ей? Сорок стукнуло? Рационалистка? Не чертовщины боится, а огласки?

– Кирилл столько рассказывал про свою соседку Нину Ивановну, про её увлечение нетрадиционной диагностикой. Я даже для беседы с ребятами собиралась вас пригласить. Но теперь не до этого. Поможете?

В школу я пробралась после пяти вечера. Техничка броси-

ла недовольный взгляд на мои стоптанные ботинки, но промолчала. Я поползла на третий этаж, дважды останавливаясь, чтобы унять одышку.

Пятый кабинет от лестницы, угловой. Разработанный за многие годы замок открылся легко. Я заперлась изнутри и замерла. Обычный класс. Сердце не забилося чаще. Душа не сжалась «от смутного предчувствия».

У Юнга есть теория коллективного бессознательного. Ребята выдумали какую-нибудь легенду. Легенда стала управлять их восприятием. Почему нет? Целые народы в истории были подвержены идее одного безумца.

В дальнем конце класса у окна я приземлилась на два стула сразу, чуть отодвинула парту, чтобы та не упиралась в живот, и открыла планшет.

У меня в наличии необычная обстановка в качестве стимулятора мозговой деятельности. Времени достаточно, чтобы придумать особый мир от «Нинки-графоманки». Под таким ником я скрывалась в сети от знакомых, потому и не боялась, что они прочтут мои рассказы. Они сбывались. Опишу ситуацию, придумаю концовку. Через годик, по-моему, и выходит. А, как известно, в своем отечестве пророков не любят.

Итак, начнём с цвета моей новой литературной вселенной. Багровый? Мрачно! Пусть атмосфера будет цвета вечерней зари. Утром здесь взойдет зелёное солнце. Я посмотрела в сторону запертой двери и решила, что мир будет иметь

ограничения. Жители замкнутого мира воспринимают сжатие как ощущение тревоги, разжатие – как свободу и радость.

Мир, как мыльный пузырь! Сверкающий, цветной. Недолгий. Нестойкий. Можно придать сфере недостающую упругость. Эх, знаний по физике мне не хватает!

Физику у нас в классе понимало от силы человек пять. Учитель старательно рисовал на доске векторы силы, выписывал формулы, но представить разницу между силой тока и работой тока было выше моих возможностей! Егор, мой сосед по парте, успевал на контрольных решать и свой, и мой варианты. Физику и математику он понимал слёту, а вот на литературе двух слов связать не мог. Я не верила в его благородство. Считала, что он зарабатывает бонусы у моей подруги Наташи, за которой ухаживал. Мне Егор тоже нравился. Вечерами я мечтала, как однажды он протянет мне руку. Наяву вынуждена была отходить в сторону, когда к нам приближалась подруга.

В конце года Егор с Наташей поссорились. Кажется, она больше обычного танцевала на вечере с другим. Егор прощал своей девушке невинный флирт, называл коммуникбельной, но тут вдруг упёрся. Почему-то в тот вечер он обиделся и захотел объяснить видение происходящего мне, ведь Наташа не желала его слушать.

В зеркалах школьного вестибюля Егор и его отражение ждали меня у школьного окна. У двери, от злости толкая её

в другую сторону, окликала Наташка. Я шагнула к ней. Настоящий Егор пропал из виду, но отражение в зеркале послало мне его взгляд. Я прочла в нём свой приговор: «Предательница!» Он считал, что нас с ним связывают дружеские отношения.

Ночью парень повесился. Следствие так и не смогло установить причину несчастья. В школе мальчику грозили полугодовые двойки по русскому и литературе, но ведь подобная угроза появлялась не первый год. Мама наказывала за двойки, да ведь не била и из дому не выгоняла.

Мне шёл тогда шестнадцатый год. Сейчас – шестидесятый. Виноватой я чувствую себя не в том, что поступила согласно девчоночьей этике, а в том, что смолчала назавтра.

Наташка поймала меня у детского садика, куда я отводила по утрам годовалого брата. Сглатывая слезы, зашептала:

– Жалко Егора, но я же с ним не ругалась! Если у него крыша поехала, то без моей помощи! Теперь стыда не оберёшься!

Я не могла показать свое горе, потому что официально он был для меня «никто». Меня просто в последней четверти посадили с ним за одну парту. В эти три месяца я каждый день касалась его плеча и этим была счастлива. И я не крикнула тогда «Заткнись, дура!»

Алый мир потемнел. Изумрудные лучи вокруг светила, пробиваясь сквозь кровавые облака, стали коричневыми. Сверху напознал грязно-багровый туман и поглощал воздух,

которого мне не хватало. Я неловко опустила на больные колени, но не устояла и ткнулась лицом в серый песок, который казался живым и кипел подо мной. Тяжелые волны накрыли мои ладони и лизнули лицо. Эта липкая вода цвета ртути собиралась похоронить меня, экономя место в сжимающемся пузыре.

– Тебе больно?

Я не заметила, откуда он появился, и с трудом подняла голову. Смутно помнила его улыбку и прищуренные глаза, но не могла разглядеть полузабытые черты в багровом силуэте. Не человек, тень. Задыхаясь, я прошептала:

– Я тебя плохо слышу.

Он опустился рядом, сел прямо в воду и протянул мне руку. Рука оказалась материальной. С её помощью я перевернулась на спину и села, расставив ноги для удобства. Увы! Перед мальчиком уже не закомплексованная школьница, а больная пенсионерка.

– Егор, я очень старая?

– Почему тебя это волнует?

Проявившись рядом, спасал он свой мир или меня? Нет смысла скрывать правду, когда сердце каждый вдох отмечает колющей болью.

– Ты мне очень нравился. Я виновата в том, что не подошла к тебе, а подыграла Наташке. Она исчезла сразу после школы. Я её с тех пор ни разу не встречала.

– Ещё встретишь. Какие твои годы!

Зеленый луч света пробил багровую пелену. Вокруг нас, отдавая драгоценный кислород, стал таять туман, превращаясь в яркие искры маленького фейерверка. Егор обрел реальные очертания. Я осмелела и почти в упор рассматривала узкое мальчишечье лицо с чуть выдающимся подбородком, редкими усиками над верхней губой и нависающей над лбом чёлкой.

– Ты ушёл в мир цвета. Красивый.

– Но опасный. Это же мир цвета, а не света.

– Если бы я могла помочь! Зачем ты тогда пожертвовал собой?

– А зачем вообще приносятся жертвы?

Над морем вставало зелёное солнце – огромное, в полнеба. На горизонте вынырнула из тумана гряда островов – как скелет древнего динозавра. Мы сидели под скалой. Вода отступала, и я вынуждена была подняться, опираясь на камни, чтобы придать себе приличный вид. Егор легко вскочил и сделал шаг к воде. Задержался, обдумывая, и решил быть откровенным:

– Ты здесь, потому что возникла ситуация, аналогичная прошлой. Ты опять испытываешь тревогу за мальчика, которого любишь тайно и очень сильно.

Ему это известно? Но тогда он должен знать, что я связана обещанием и ограничена в действиях.

– Кириллу грозит опасность?

– Ты скоро поймёшь. Ты не повторишь ошибки и не устра-

нишься.

– А если не пойму?

– Тогда всем будет очень плохо.

Наверное, здесь не принято здороваться и прощаться. Егор пошел к морю, разбежался, высоко подпрыгнул и нырнул в воду. На миг мне показалось, что тело его изменилось во время прыжка. Я смотрела, как пловец, будто не встречая сопротивления плотной жидкости, быстро уменьшается в размерах и превращается в точку.

Жирная точка шрифта А28 стояла позади текста написанного 12-м шрифтом. За ночь всего два абзаца? Странное изложение получилось. Это не плод моей фантазии, а результат внешнего воздействия. Ум рационален, и я уже в том возрасте, когда себе пора доверять.

В дверь осторожно постучали. Снежанна Сергеевна быстро прикрыла дверь за собой и спросила:

– Вас не заметил сторож? Вы уж никому не сообщайте о нашем эксперименте. Что выявила диагностика кабинета?

Она, как бы между прочим, проверила ящик стола, включила компьютер. Её жизнь наверняка научила не доверять первому встречному. Я постаралась уклониться от подробностей.

– Есть информация, но анализировать её трудно. Восприятие идёт на основе личного опыта и особенностей контактёра. Я допускаю, что у некоторых посетителей кабинета возникает ясная картинка, как в кино.

– Лично у меня никаких видений. А у детей...

– У особо впечатлительных детей может появиться полное ощущение другой реальности.

Молодая женщина присела и начала переключать на столе книги. Представляю, что будет, если она напишет заявление директору: «Прошу принять меры к прекращению галлюцинаций в моём классе. Факт подобного нарушения реальности установила ночью пенсионерка, являющаяся соседкой Кирилла Кононова».

Я прислушалась к нарастающему шуму в коридорах школы. Учительница заторопилась.

– Мы с вами верим, что в кабинете что-то происходит, но не вполне готовы к откровенности. Давайте созвонимся и встретимся позже.

Но просто так уйти я желала.

– Снежанна Сергеевна, у Кирилла проблемы?

Учительница прикусила накрашенную верхнюю губу и вздохнула:

– Вы от детей об этом слышали?

– Я ещё ничего не слышала. От вас узнать хочу.

– У меня одни догадки. Разглашать информацию постороннему лицу я не имею права. Мать у мальчика непредсказуема, кроме неё нет никого.

– Это не совсем так.

– Если вы про Вику Савельеву, то это несерьёзно. У него таких девочек может быть много.

– Или одна на всю жизнь. И я не посторонний человек.

Снежанна не привыкла к долгому противостоянию и пошла на компромисс.

– Не сейчас. Я обещаю позвонить. Не обижайтесь.

Ребята валом шли перед звонком, и спуск по лестнице с третьего этажа оказался не легче вчерашнего подъёма. Опасаясь пересечься с Кирюшкой, я присела на скамеечке среди родителей первоклашек. Вовремя. Он пролетел мимо, на ходу расстегивая куртку. Высокий, спортивный. Кроссовки не зашнурованы. Без галстука. Наверняка не позавтракал.

Когда пробежали опоздавшие, я польстила вахтёру:

– Школа у вас красивая. Недавно построили?

– Двадцать лет. Юбилей в прошлом году отметили, – охотно пояснил крепкий старичок. – Это второе здание. До войны тут посёлок был и школа сельская. Сгорела.

– Были жертвы? – я вздрогнула, вспомнив вопрос Егора.

– Кто знает. Столько воды утекло. Место пустовало. Но как город стал разрастаться, и новый квартал вырос, школу на старом месте заложили.

Непростое видно место. С истории мне начинать? С признания Кирюше или со слезки за ним? А может, со знакомства с Викой Савельевой? Фамилия-то у девочки, как у Наташки.

Глава 2. Появление Стража

Эта зона границы была всегда спокойна. Перед Светом грунт начинал бурлить. Мелкие организмы переключали свой метаболизм с агрессивного пожирания на короткий по сроку и благодатный по действию поток от Светила. После накопления энергии грунт ненадолго успокаивался, и я мог тренироваться в механическом перемещении. Я давно не был у Истока. Все стражи одиночки по натуре. Им хватает коротких плановых визитов. От последнего я отказался, объясняя решение необходимостью усиленного контроля над пограничной зоной. Незадолго до того, как она начала приобретать опасный малиновый оттенок, у меня вошло в привычку надолго зависать в области с темным закатом.

У моей Матрицы высокий порог чувствительности. Я его унаследовал, потому чувствовал приближение опасности и готовился к неожиданному повороту событий. Старался сосредоточиться на ударе в область багрового спектра, не затрагивая зеленый. Но всё вышло не так, как ожидалось.

Энергетическая волна, которая накатила на меня, обладала непонятным качеством. В ней не было единства. Я не чувствовал, в какую область нанести ответный удар, чтобы не навредить лучам жизни. Из-за краткого промедления меня затянуло в темно-фиолетовую воронку.

Я очнулся в закрытом пространстве с разряженной сре-

дой. О механических перемещениях нечего было и думать. Для прыжков и планирования нет места и необходимой плотности среды. Опора потеряла упругость и посылала импульсы боли в центр информации. Я втянул опорную часть и крылопланы в полость трансформации. В коконе оптического обмана тоже не все благополучно. Трансформер требовал подпитки энергией. Остатки её я мог потратить лишь на связь с Матрицей.

Любой другой контакт из чужого пространства грозил уничтожением. Тогда я навеки останусь в числе немногих единиц, которые сторели несчастными, не сумев выполнить долг. Матрица имела незарегистрированную частоту для связи с каждой из продублированных ею единиц. Она сверкнула слишком далеко. Я испытал прилив уважения и почтительности.

– Не двигайся, – получил я сигнал. – Ответишь после сканирования.

Когда потерял контроль над пограничной территорией, а Страж исчезает, участок границы подвергают аннигиляции. Аналитики считают, что варианты с аннигиляцией пространства себя исчерпали. Мир испытывает неконтролируемое сжатие. Еще одна аннигиляция может вызвать конец развития.

Матрица снова засветилась:

– Это не твой опознавательный код, но я верю в обмен информации именно с тобой. Объясни.

– Я использую для связи энергию единиц чужого мира, погружая их в транс.

– Они видят нас?

– Единицы этого мира не отключают фильтр субъективности при поступлении информации, потому видят наш мир в искаженном виде, воспринимая его как оптическую иллюзию.

– Ты сможешь выбраться и восстановить баланс на границе?

– Я обязан. Постарайся отложить решение об аннигиляции.

– Если поднимется вопрос о ликвидации твоего участка, я воспользуюсь правом единственного запрета Матрицы. Действуй.

Я никогда не нарушал приличий и не спрашивал у Матрицы, какой я у неё по счету экземпляр. Было поверье, что именно в конечную единицу Матрицы вкладывают универсальный секретный код своей энергетической основы. После прощальной вспышки последняя единица Матрицы занимает её место.

Перед сгоранием каждой Матрице даруется длительный покой. Как раз в состоянии покоя прибывает моя Матрица. И всё же она тратит последнюю энергию на связь со мной. Разве не цель любой единицы – испытать удовлетворение перед прощальной вспышкой. Я не мог лишиться этого счастья свою Матрицу.

Глава 3. Странный гость

Я осталась дежурить по классу. Ползала с веником, досадовала, что мне некому помочь. Вике невдомек. Она сидела за партой и уговаривала:

– Я бы сама не прочь, но мама говорит, что я нуждаюсь меньше, чем моя двоюродная сестра. Ларек в центре. Смена через ночь. С вечера поторгуешь, ночью подремлешь. Документы мать оформит. Деньги приличные.

В класс заглянул Кирилл и позвал Вику. Она чмокнула меня в щеку и убежала, хлопнув дверь. Со стола посыпались книги, распахнулась дверь подсобки, где хранились гербарии и чучела. Я подумала, что Снежанна Сергеевна забыла затворить окно в подсобном помещении. В тесной комнатке, отгороженной от класса перегородкой, окно закрыто наглухо. Обшарпанный скелет наблюдал, как я прятала за старый шкаф веник и совок и плотно закрывала дверь.

А в классе пол ходил ходуном, и мигали лампочки в люстрах. Не иначе, как вверху происходила какая-нибудь заварушка.

Задержавшись с уборкой, приплелась домой позднее обычного. Дома меня ждали за накрытым столом. Мама нахмурилась, когда я сообщила ей, что собираюсь работать.

– Анята, папа с сестрой не был особенно дружен. Она ведь недавно приехала. Вика у бабки росла, мать свою раз

в год видела. Откуда со стороны приезжей тетки такое участие в судьбе племянницы? Почему Наталья со мной не посоветовалась?

– Мама, мне уже шестнадцать. Я сама могу принять решение.

Отчим помрачнел, но неожиданно поддержал:

– Решать ей. Надоест – в помощи не откажем.

Я успела схватить со стола горсть конфет и ушла к себе в комнату.

Просить у человека, который появился в доме спустя два месяца после смерти отца? Мне и на мать-то смотреть не хотелось. Она же отца любила! Она меня учила ценить в нем справедливость и доброту. Она так плакала на могиле, а тут, на тебе, чужого мужика с улицы привела, на шею себе посадила, никого не постеснялась.

Пока я так думала, распахнулись дверцы шкафа и с полки начали падать вещи. Я поднимала, а они снова падали. Устав, я бухнулась на диван и потянулась к конфетам. Но тут над столом за клубился полупрозрачный сгусток воздуха. Из воздушного кокона появилась мордочка, потом лапка. Я непроизвольно крикнула: «Брысь!». Глаза круглые и желтые. На мордочке не то рот, не то нос треугольной формы. Ушей не заметила. И туловища с хвостом, полагающихся коту, тоже.

Сгусток воздуха метнулся за диван. Я с опаской заглянула туда. Пусто.

– Полтергейст завёлся? – спросила вслух.

Лампочки на люстре зажглись от звука моего голоса на несколько секунд.

– Ты поговорить хочешь?

Свет снова зажегся и погас. Мистика.

Ночью в комнате искрились электрические розетки, вспыхивали и гасли лампочки на люстре, шипел телевизор. Вредный дух осваивал мою территорию. К родителям после неприятного разговора обращаться не хотелось. Я устала пугаться, накрылась одеялом и постаралась уснуть. Вероятно, идёт магнитная буря или еще что-нибудь объяснимое.

Проснулась рано. Уже не удивляясь загорающейся люстре и включившемуся самостоятельно телевизору. Мать с отчимом вели себя спокойно, стало быть, у них в комнате странных явлений не наблюдалось.

По дороге в школу я вспомнила, что так и не прочитала домашку по биологии, а одна «двойка» у меня уже стояла. Вероятность вызова к доске процентов восемьдесят. Наверное, я бы испортила себе четвертную отметку, но выручил Кирюшка.

Вообще-то я не одобряю его поведения. После уроков он нормальный парень, а как сядет за парту, так будто бес в него вселяется. То болтает, раздражая учителей, то с телефоном возится демонстративно. Ему отметки занижают. Он злится.

Сегодня он лёг на парту и закрыл глаза. Снежанна не стала орать, как другие. Дождалась, когда Кирилл потерял нить

разговора, и задала вопрос. А он ни сном, ни духом. Переспросить гордость не позволила. Он столько раз доказывал, что лежачая поза не влияет на внимание. Пока Снежанна с ним разбиралась, я была забыта.

– Зачем ты Снежанну против себя восстанавливаешь? – спросила я Кирилла на перемене.

– Дурак потому что, – встряла Вика. – Что она тебе плохого сделала?

– А что хорошего? – беззлобно огрызнулся он. – Радость-то какая! Высчитывать цвет шести кота, если у кошки родилось трое рыжих котят и один чёрный. Того кота уже не найдешь. Плакали кошачьи алименты.

Вика с Кириллом поругались, помирились, в знак примирения решили проводить меня на торговую точку в первую рабочую ночь. Это было кстати. При посторонних мать и отчим смолчали, поэтому новой порции уговоров я избежала.

Торговля началась удачно, особенно после десяти вечера. Обученный народ совал в окошко мятые сторублевки исключительно «без сдачи». В двенадцать ко мне постучался коллега из соседнего ларька, представился Игорем и позвал на кофе. У него за дверью открылось приличное пространство. Стеллажи с товаром скрывали столик, два стула и даже раскладушку. Его смена заканчивалась, а мне предстояло дежурить до утра. Мы вместе покинули торговую точку. Игорь по-дружески попросил приглядывать за его ларьком и ушёл так поспешно, что я не успела высказать пожелание

проводить меня.

Идти до ларька всего-то метров тридцать, но по той стороне дороги, на которую не хватило освещения. Я перешла дорогу и остановилась. Окошечко с белеющим клочком бумаги, на котором я нацарапала: «Вернусь через 15 минут», слабо светилось. Путь к двери, находящейся с торца, лежал через тёмную область. Я мужественно решила преодолеть детский страх темноты, но оттуда быстро и бесшумно навстречу мне двинулась тень. Я почему-то именно тень заметила, а не человека, её отбрасывающего. Что было дальше, мне пришлось впоследствии восстанавливать в памяти. Получалась как будто замедленная киносъёмка.

Я заморожено смотрела на тень мужчины, в правой руке которого явно был нож. Стоит ему вскинуть руку... И тут между нами ярко засветился треугольник пространства. Из его острого конца выпал тонкий гибкий стержень, опирающийся на пятку с огромной плоской стопой. Существо подпрыгнуло, изогнув туловище, и одновременно выпустило из головы веера с перепонками. На веерах-крыльях он повис в воздухе, расправил широкую стопу, как пружину, и отбросил нападавшего далеко в сторону. По крайней мере, его крик прозвучал и замолк значительно дальше ларька Игоря.

– Он жив? – спросила я странное существо.

Оно уже втянуло в себя всё, что имелось ниже светящейся треугольной головы, съежилось до размеров яблока и мерца-

ло слабым зеленоватым светом.

– Он жив, – ответил зелёный светящийся сгусток воздуха моим голосом.

– Не копируй мой голос, – попросила я. – Мне кажется, что я сама с собой разговариваю.

– Разве на эту полезную функцию в вашем обществе есть запрет? – спросило существо теперь уже голосом мамы.

– Потом расскажу. А ты кто? Как тебя называть?

– Называть меня Страж. Остальное потом расскажу.

Я закрылась в ларьке. Окно тоже закрыла, стул от него подальше отодвинула.

– А вдруг он вернётся?

– Через восемь часов по вашей мере времени, не раньше. В процессе удара я ввел ему снотворное с эффектом кратковременной амнезии.

Сгусток пространства подсветкой поспособствовал открыть замок в темноте и двинулся за мной. Завис над левым плечом и прокомментировал издаваемые мной звуки:

– Я знаком с данной эмоцией. Плач малоинформативен.

Я вспомнила, что у Игоря имелась раскладушка, предполагающая ночлег, но он удрал, оставив или подставив меня. Моя тётя, ставшая в короткий срок индивидуальным предпринимателем, не в курсе местных разборок? Или не нашла желающих на опасное место? Сегодня ночью меня могли убить.

– Та единица, Игорь, думал, что напугать надо, – голос

Стража прозвучал в голове. Он еще и мысли читает!

– Аня! С тобой все в порядке? – от страха я не могла понять, кто зовет меня снаружи.

– Аня, открой, это дядя Валера.

Страж взмыл под потолок и погас. Я откинула щеколду и впустила отчима.

Отчим не стал расспрашивать, отчего заревана физиономия. Приспособил пустой ящик под табурет и присел так, чтобы быть на уровень ниже моего стула.

– Старикам плохо по ночам спится, – он как будто даже оправдывался. – Пришёл вот.

Он смотрел в сторону. Ждал, наверное, моей привычной дерзости. Я сдерживала рыдания и не собиралась отвечать.

– Ты ревнуешь зря. Мы с мамой сошлись от одиночества. Отца твоего она помнит. И я его уважал. Нам о своих бывших поговорить – это как в молодости побывать. Так что ни к чему твоя жертва.

Ни с кем про отца не говорила, потому что слёз показывать не хотела. Без слёз вспомнить его не получалось. Не принимала я его смерть. Получалось, прав отчим. Я жертвовала собой ради памяти.

– Я на такси приехал, так что оно ещё ждёт. Поезжай домой. Тебе с утра в школу.

Глава 4. Подруга

Мама учит: если подруг много, значит настоящей ни одной. Да, вокруг меня много девочек. Я не могу не выслушать, не посочувствовать. Зачем обижать человека? Случилось так, что одна из девочек, которую в классе прозвали куклой Барби, вытеснила остальных. Сама я сближения с Ангелиной не искала. Она начала рассказывать, как её поселили с бабушкой, как она скучает по отцу с матерью. Отец остался на холодном северном побережье зарабатывать деньги. Мама тем временем сняла дом на другом конце страны, у Черного моря, и ждала финансовой возможности выкупить его в собственность.

Меня тоже разлучили с отцом после развода родителей.

– Ты не думай, Кристина, что я против вашей переписки, – оправдывалась мама. – Просто не нужно стучаться туда, где другая семья и уже родился сын.

– У меня есть братик? – обрадовалась я новости.

– В кого ты у меня такая сердобольная? – вздыхала мама. – Я не говорю, что отец плохой. Но пойми, мы его прошлое, а он живёт настоящим. И нам нужно поступать так же.

А я продолжала скучать, звонила ему тайком. Он иногда отвечал и даже обещал пригласить в гости.

На этой волне мы начали секретничать с Ангелиной. Она призналась мне в любви к Кириллу, а я показала ей свои

стихи. Тема Кирилла мне скоро наскучила. Мы с ним жили по соседству. В младших классах ходили в одну танцевальную студию, сейчас посещали один спорткомплекс. Пора было признаться, что в очередной раз меня подманили, чтобы сделать инструментом в достижении чужих целей. Но резко оборвать отношения я не умела и осторожно пыталась вернуть подругу к действительности:

– Кирилл с Викой полгода вместе, он до этого никем серьёзно не увлекался.

А Ангелина словно не слышала. Сидела в своей комнате и, действительно, походила на куклу Барби. Бледное лицо, светлые кудряшки до плеч, а вокруг плюшевые игрушки, подушечки, розовые накидки. Этот детский стиль никак не сочетался с новым планшетом, огромным настенным телевизором и телефоном последней модели. Накручивая белокурый локон на палец, Ангелина продолжала петь о своём:

– Полгода – большой срок. Кирилл успел надоест Вике.

Бабушка уже дважды заглядывала к нам в комнату, чтобы под предлогом угощения гостыи покормить и своего бесплотного ангела, но только вызывала её раздражение.

Ангелина избегала нормальной горячей пищи, ужасно боялась поправиться, а голод гасила чипсами и орешками.

– Кристина, я очень надеюсь на твоё понимание. Поговори с Кириллом. Пусть знает, что я его жду. Самой мне неудобно.

Не хотелось браться за поручение, но Барби умела повер-

нуть так, что деваться некуда. Она и раньше списывала мои сочинения, брала мои конспекты перед самым зачётом, задерживала для исповеди, не считаясь с моим временем. Ох, как права мама! Я не умею отказывать и этим усложняю себе жизнь.

А пересечься с Кириллом труда не составило. Я столкнулась с ним в холле спорткомплекса уже на следующий день. Он колдовал у кофейного автомата и весело приветствовал: – Давай и тебе кофе налью, а то ты какая-то пришибленная.

Я осторожно взяла горячий пластиковый стаканчик и попробовала приступить к щекотливой теме.

– Кирилл! Обещай молчать о нашем разговоре.

Он усмехнулся:

– Какие тайны в наше время? Чего ты испугалась? Кабинетный призрак увидела?

– А ты его видел? – с невольным интересом съехала я со «своей» темы.

О призраке из кабинета Снежанны уже шептались в школе. Он, дескать, мог выполнить любое желание и ответить на любой вопрос, только если ты окажешься в кабинете один на один с ним, трижды позовешь его и оставишь подношение. Снежанна Сергеевна строго следила, чтобы в партах и на подоконниках не оставляли вафли и бутерброды из школьного буфета, а паломничество в свой кабинет и вовсе пресекала. Ключ не доверяла никому, дежурных

не оставляла одних.

Но Кирилл, кажется, не шутил.

– Мне он явился. Не веришь? Я точно знаю, что он в невидимом воздушном коконе. Мордочка, как у кенгуру. У передних лап несколько локтей и они гнутся в любую сторону, а нога одна. Сзади разворачиваются крылья, похожие на крылья летучих мышей. Рост может меняться.

– Боже, какое страшилище! – вырвалось у меня.

– Не скажи, – продолжал дразнить Кирилл. – Он вполне позитивный парень. Партизанит у нас, выполняет спецзадание. У них в потустороннем мире перепутаны жизненно важные определения. Они долг называют любовью.

Я поймала момент и начала переводить разговор на его отношения к Ангелине.

– Боже! Какое страшилище! – передразнил он меня. – Это она поручила меня обработать?

– Ты как догадался?

– Не ты первая. Вместо того, чтобы утирать слюни нашей Барби, оглянулась бы вокруг. К тебе неровно дышит один наш общий знакомый. Ты случайно не о нём стихи слагаешь?

У меня моментально загорелись щеки и выступили слезы. Я тотчас отвернулась и заспешила в сторону как будто для того, чтобы найти урну для пустого стакана из-под кофе, но не сдержалась и всхлипнула.

Кирилл в два прыжка догнал меня и схватил за запястье.

– Ты чего? Я же не в обиду, а информативно...

– Про стихи Барби разболтала?

Я боялась спросить, какое именно стихотворение Ангелина обнародовала. В тетради, которую ей доверили на один вечер, были и такие, где называлось имя. Кирилл ничего определенного сказать не мог.

– Она не про тебя, а про себя вела речь. Твои стихи использовались как иллюстрация к её неземному чувству.

Я долго гуляла по парку и думала, с какими глазами войду завтра в класс. Может, надо мной уже смеются, а я не замечаю? Может, тот человек, кому посвящены стихи, отзывается обо мне так же, как Кирилл об Ангелине?

Устав, я присела на скамейку. От досады и холода вновь захотелось плакать. Слезы исказили панораму старого парка. В темноте на границе видимости засверкали звезды, яркие и незнакомые. Я будто повисла между чёрным небом с багровой зарёй и серыми волнами с кровавыми бликами. Я перестала мёрзнуть и ощутила, как грунт под ногами начал шевелиться. Я ли это, если в мозгу зазвучали странные чужие мысли?

Грунт начинал шевелиться, хотя было еще тёмно. Мелочь, по индексу жизни не дотягивающая даже до десятых долей единицы, настраивалась на ритм Светила и заранее готовилась к его восходу. Несколько циклов назад в этот временной промежуток я ощутил странную вибрацию среды.

Как я понял, что это детский плач? В нашем мире не было такого понятия. Правы были те Хранители Знаний, которые

утверждали, что некоторые Матрицы передают способность к мгновенной трансформации при изменении среды.

Бытовала даже легенда о Матрице Первичного кода, продублированной Исходной матрицей Вселенной.

– Легенда информирует, что она может преодолевать преграды и вызывать у обитателей иных ячеек понятийные ассоциации, – вспомнил я одну из бесед со мной. – Она имеет настолько неограниченные возможности, что сама не информирована обо всех.

– Тогда в чём их смысл? – допытывался я. – Зачем передавать через поколения непроверенную легенду?

– Наш мир теряет стабильность. Любая единица должна быть готова к проявлению скрытых свойств.

Моя специализация контролировалась единицами с такими высокими долевыми индексами, что приближались к двойкам.

Рядом высветился кокон, показались голова и крылопланы Распределителя. Он прибыл лично, а не воспользовался службой Трансформации Образов. Возможно, оказывал уважение моей Матрице, которая имела право на подробную информацию о любой продублированной единице.

Для Распределителя не составило труда определить, что зона моей границы практически открыта, а я сам выброшен за её пределы, откуда с высокими энергетическими затратами удерживаю трансовое перемещение. Он спросил, информирован ли я, что Вселенная имеет ячеистое строение.

В информационном плане Матрица передала мне больше, чем требовалось для исполнения долга Стража. Я знал, что в основе создания миров положен принцип комплиментарности.

И микрочастицы, и макромиры устроены таким образом, что пространственно являются частями целого. Миры могут друг друга дополнять, продолжать или служить противовесями. Трудно рассуждать, не зная общего замысла Акта Творения. По последним данным, этим единым целым являлся Живой Кристалл.

Последнее Распределитель не счёл нужным мне сообщать, а вот относительно первого постулата обратил моё внимание на то, что в некоторых ячейках нарушались базовые принципы Акта Создания. Причины нарушений не выявлены. Особенно тревожит ситуация в ячейке, куда вынесло меня. Ячейка неконтролируемо расширялась, сокращая размеры нашей.

Применение аннигиляции границы заблокировано. Моё возвращение на данном участке предполагает воздействие с еще большим продвижением границы внутрь. Мне поручалось проникнуть в родную ячейку обходными путями и, воздействуя на стенку ячейки из своего мира, отодвинуть её обратно.

– Каким образом? – не понял я Распределителя.

– Если границы нашей ячейки отступают во время проникновения индивидуума оттуда, то при транслировании

группы единиц туда мы восстановим баланс. Ты, выпав из нашего мира, применил единственно возможную защиту. Сейчас баланс с трудом, но держится на компенсации твоего перемещения.

– Какую группу единиц планируется перемещать?

– Опыта подобной специализации нет. Критерии отбора поручаются тебе.

Я терял контакт с Распределителем, но успел понять, что моё невозвращение воспринимается Распределителем как невосполнимая потеря.

Глава 5. Семейная драма

Первый снег выпал рано. Небо затянуто дымкой, потому казалось, что густые хлопья не сверху падали, а возникали прямо из воздуха. Я бродила вокруг спортивного комплекса по освещенной парковой дорожке. Хотела поймать Кирилла. Почти решилась на разговор с ним. Ноги ныли от боли и требовали отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.